Андрей Ливадный Лайбен по прозвищу Стикс

Стояло раннее теплое утро. Красноватое солнце только показало край своего тусклого диска над близкой, изломанной остроконечными контурами скал линией горизонта.

Бледная луна с печальными женскими чертами, которые угадывались на ее округлом лике, истончалась, таяла в светлеющих небесах, зато два ее торопливых собрата быстро двигались по куполу небес, навстречу встающему светилу, не утрачивая при этом собственного яркого блеска.

Лайбен, сидя на берегу прозрачного ручья, провожал сверкающие шарики лун пристальным, настороженным взглядом. Ему каждый раз казалось, что они должны сгореть в разбухающей на глазах ауре, которую источало встающее солнце, но нет, на закате они появятся вновь и в течение ночи трижды успеют пересечь звездный небосвод, обгоняя свою бледную неторопливую подругу.

«Интересно, они вправду мертвые и холодные, как это утверждает Уром Бледный? — подумал он. — Вот бы хоть раз взмыть туда, ввысь, и самому посмотреть, что творится за прозрачной воздушной оболочкой, хранящей жизнь планеты под своим эфемерным покрывалом?..»

Пока он размышлял над такой фантастической возможностью, два блестящих, вечно торопящихся куда-то пятнышка медленно растворились в разгорающейся ауре пронзительно багряной зари.

Нет, небеса, конечно же, недоступны. Хотя предания утверждают, что предки могли подниматься туда. Только знания о таких способах перемещения давно утеряны, и некому восстановить их. Мир, демонстрирующий этим утром теплый сонный покой, на самом деле являлся необъятной ареной борьбы за выживание, и ее обитателям не пристало думать о таких пустяках, как небо и звезды.

Лайбен негромко вздохнул, глядя, как искажается его собственное отражение в неторопливо бегущей воде лесного ручья.

Природа вокруг походила на страшную сказку. Большинство образующих лес деревьев были мертвы, их стволы и сучья давно почернели, еще во время столетней зимы, но за последние годы, вместе с ощутимым потеплением, на земле появилась молодая поросль чахлой растительности, которая тянулась к багряному солнцу, цепляясь корнями за размытую дождями почву.

Это еще нельзя было назвать возрождением былой жизни — первенцы, проросшие из чудом сохранившихся в мерзлой земле семян, выглядели низкорослыми, кривобокими, — поди пойми, что перед тобой, росток будущего дерева или недоразвитый побег кустарника?.. У Говарда Мудрого сохранилась старая, довоенная книга с цветными иллюстрациями,

повествующая о природе этого региона Земли, но изображения, запечатленные на нетленной пластбумаге, разительно отличались от реальности дня сегодняшнего.

Единственным, что по-настоящему могло порадовать глаз, был бархатисто-зеленый, травянистый склон, который тянулся на полсотни метров от ручья и заканчивался крутым, осыпающимся обрывом, за краем которого располагался широкий, вымытый талыми водами овраг. Слагающая его стены глинистая почва, с вкрапленными в нее глыбами твердых горных пород, легко поддавалась разрушительному действию воды, от чего обрывистые склоны изобиловали оползнями, а на дне оврага постепенно скапливалось хаотичное нагромождение остроугольных каменных обломков.

Когда после долгой зимы наконец наступило потепление, бывало, целыми месяцами шли проливные дожди. Потоки мутной воды превращали дно оврага в опасную, вязкую, непроходимую топь, но с приходом *настоящего* тепла ливни резко пошли на убыль, солнце подсушило землю, глина высохла, отвердела, и теперь меж хаотично разбросанных внизу каменных глыб отчетливо просматривалась дорога, которую несколько лет назад проторили *дронги*.

Куда вел путь этих созданий, Лайбен не знал. Очевидно, дальше в горы, где среди скал наверняка скрывался один из многочисленных входов в подземный мир, но юноша не стремился найти его, справедливо полагая, что существу, рожденному на земле, нечего делать в сумрачных недрах, где, по преданию, таилась механическая смерть, однажды разрушившая мир и едва не уничтожившая всех людей. Он довольствовался тем, что благодаря его усилиям дронги перестали пользоваться этой дорогой, проложив для себя иную тропу.

«Всего зла на земле не уничтожить, как не сосчитать количества ветвей на погибших более века назад деревьях…» — так сказал ему Уром Бледный.

Лайбен не стал спорить, но по-прежнему приходил сюда, успев полюбить дикую, немного зловещую красоту этого места. С тех пор как зимы стали короткими, а лето все более длинным, трава и мох быстро заполонили склон, где раньше можно было увидеть лишь камни, накрепко вмерзшие в растрескавшуюся землю. Ему нравилось сидеть на берегу ручья, неторопливо несущего свои воды меж черных стволов омертвевших деревьев, и размышлять о странностях окружающего его мира.

Он хорошо помнил последние годы столетней зимы — они врезались в память из-за смерти родителей. Лайбен в ту пору был еще слишком

неопытен, чтобы помогать им, поэтому он целыми днями сидел в пещере и следил за огнем, пока взрослые надолго уходили в поисках пропитания.

Однажды они не вернулись, а спустя какое-то время вместо них пришел живший неподалеку Уром Бледный. Он принес Лайбену еды и сказал, что его родителей больше нет. По словам Урома, их подстерегли в черном лесу дронги, обитатели подземелий.

С тех пор прошло много лет.

Лайбен возмужал, набрался опыта, сам стал охотником, но, как и Уром, жил в одиночестве. Он люто ненавидел подземных жителей, и вскоре те научились обходить стороной и черный лес, навек застывший на пологих склонах предгорий, и его ближайшие окрестности.

…Зачерпнув пригоршню воды, Лайбен напился и, подобрав автомат, крадучись подошел к краю обрыва.

Накануне вечером он видел вдалеке неясные проблески, и, по его расчетам, вскоре в овраге должны появиться нежданные гости, впервые за истекший год рискнувшие воспользоваться проторенной когда-то дорогой.

* * *

Он не ошибся в своем предчувствии. Солнце едва начало пригревать, когда внизу показался небольшой отряд дронгов. Из-за узости извилистого прохода, проложенного между нагроможденными как попало каменными глыбами, им пришлось растянуться длинной цепью. Впереди, объезжая валуны, продвигалась машина. Плюясь сизым выхлопом и монотонно подвывая на низкой передаче, она медленно ползла по дну оврага, сверху похожая на большого глянцевитого жука с ободранными и помятыми боками.

Лайбен не шелохнулся, считая противников.

Пеших дронгов было восемь, ну еще, пожалуй, трое или четверо наверняка сидели в машине.

Интересно, почему они вновь избрали этот путь? — подумал он, ложась на живот у самого края обрыва. — *Знают ведь, что им тут дорога заказана…*

В душе вдруг вспыхнула злоба. Это чувство сидело глубоко, где-то на уровне инстинкта, и получил его Лайбен скорее по наследству, нежели в результате жизненного опыта. Так глубоко и яростно ненавидеть мог умудренный, изломанный жизнью зрелый мужчина, но никак не двадцатилетний юноша. В истоках этой ненависти лежала даже не смерть близких людей, которых он едва помнил. Нет, все было глубже, сложнее, но ему не хватало понимания истинной первопричины рождающихся чувств,

чтобы придать своим яростным вспышкам какую-то рациональную основу.

Однако непонимание не мешало ему реализовывать глубоко засевшие в душе позывы, полностью отдаваясь им, за что Лайбен и получил свое прозвище: «Стикс». Уром сказал ему, что так в древности называлась река, отделяющая мир живых от мира мертвых. Река не то уносила души умерших, не то те сами должны были пересекать ее, чтобы попасть в мир небытия. Лайбену не смог с точностью описать суть древнего процесса даже Говард Мудрый — старик, знающий практически все…

Лайбен сильно сомневался, что обитателей подземелий можно причислить к существам, наделенным душой, следовательно, живыми их назвать нельзя, но свое второе имя он действительно *заслужил*, честно сражаясь с порождениями иного, непонятного ему мира, отправив немалое их количество по ту сторону осмысленного бытия.

Стикс… Это слово звучало как резкий звук активированного затвора.

Вот и сейчас палец машинально сбросил предохранитель автомата, нагретый на солнце пластиковый приклад уперся в плечо, прижавшись к щеке, но Лайбен все еще медлил, разглядывая двухметровые фигуры сквозь прорезь прицела.

Дронги шли в полный рост, не скрываясь, на их телах не было никакой одежды, и они неприятно, матово отблескивали, точно так же, как помятый кузов возглавлявшей колонну машины. Лица дронгов казались одинаковыми, копирующими друг друга, и это вызывало еще более глубокое отвращение к ним.

Настоящие люди так не выглядят.

Лайбен тщательно прицелился и потянул тугую спусковую скобу.

Автомат звонко дернулся в его руках, послав вниз короткую очередь, в глубине оврага, вторя выстрелам, раздался характерный звук прошибаемого навылет металла, и возглавляющего процессию дронга отбросило в сторону, ударив спиной об одну из каменных глыб.

Лайбен сноровисто сменил позицию, ползком переместившись за остроугольный обломок скалы.

Подтянувшись к краю обрыва, он заглянул вниз.

Отряд остановился в замешательстве, застреленный им дронг неподвижно лежал там, куда его отбросили пули, остальные исчадия подземелий рассыпались по сторонам, озираясь вокруг с отчетливым, нервным визгом сервомоторов.

Лайбен знал — они вооружены, но не станут стрелять, пока точно не зафиксируют цель. Отсутствие паники всегда являлось неоспоримым преимуществом дронгов, и схватка с ними, по сути, являлась

противостоянием выдержки и точности.

Двумя упомянутыми качествами металлические истуканы владели по определению, а вот человеку зачастую не хватало хладнокровия, чтобы успешно противостоять им.

Однако в этом смысле Лайбен резко отличался от Урома Бледного или старика Говарда. По неведомой прихоти природы, он не ведал, что такое страх. Стикс мог быть рассеянным, мечтательным, любил подолгу сидеть, любуясь оживающей природой, но когда дело доходило до схватки, в нем все будто перерождалось, чувства становились резкими, осознанными, каждое движение, несмотря на вспышки ненависти, несло в себе осмысленность, и это позволяло Лайбену сражаться с машинами практически на равных.

Загадка, на которую он не искал ответа.

Лежа за укрытием, он спокойно наблюдал сквозь небольшую расселину, как дронги внизу тщетно пытаются отыскать врага. Они вели себя странно: сгруппировавшись подле машины, образовали кольцо, будто хотели прикрыть ее своими телами, и теперь тщетно высматривали затаившегося стрелка посредством крохотных видеокамер, спрятанных за имитацией человеческих глаз.

Лайбен, глядя на них, едва не рассмеялся. Эти механизмы вели себя глупо, не в пример иным формам боевых машин, противоборство с которыми требовало выдержки, мужества и точного расчета.

Наверное, пришлые, раз воспользовались этой дорогой… да и ведут себя как-то странно, — рассудил Лайбен, выпуская две короткие, разящие наповал автоматные очереди.

Один из андроидов повалился вбок, щедро рассыпая снопы искр из пробитого в нескольких местах корпуса, второму пули попали в голову, расколов металлопластиковый череп на неравные части. Куски декоративного кожуха тут же разлетелись в стороны, оставив на месте только нижнюю часть лица-маски с застывшими навек, плотно сжатыми губами, над которыми теперь торчали поврежденные сервоприводы, похожие на гибкие металлические отростки.

Лайбен успел разглядеть последствия своего огня, пока резво переползал в сторону, но в этот раз ему не повезло: под руку попался податливый участок почвы, вниз предательски посыпались комья глины вперемешку с мелким гравием, и уцелевшие андроиды тут же отреагировали на внезапное движение оползня.

Шорох осыпающихся камней заглушили очереди из автоматического оружия, и пули щедро ударили в гребень отвесного склона, наискось

пробивая его тонкую часть.

Лайбен едва успел откатиться от края обрыва — ему показалось, что невидимая смерть выскакивает прямо из-под земли, выбрасывая вверх султанчики рыхлой почвы, одна из пуль чиркнула по бедру Стикса, оставив на нем длинную кровоточащую полосу, другая внезапно пронеслась прямо перед глазами, на миг запорошив их едкой пылью… В воздухе витал сладковатый, тревожащий обоняние запах порванных в клочья травинок…

Стикса здорово разозлил этот запах.

Он уже откатился на достаточное расстояние от предательски осыпавшегося гребня, и противник вновь оказался вне поля зрения. Как он и рассчитывал, андроиды тут же прекратили огонь, понимая, что неведомый стрелок либо мертв, либо ушел за пределы досягаемости их оружия.

Несмотря на удачный исход первых минут схватки, злоба не отпускала, дыхание Лайбена стало частым, прерывистым, он не чувствовал боли, потому что все ощущения сейчас затмевала ненависть к механическим исчадиям, которые уничтожали жизнь в любом ее проявлении, будь то человек, дерево или ласковая, шелковистая трава, чьи семена чудом перенесли столетие непрекращающейся зимы…

Говард Мудрый привил Лайбену трепетное отношение к пробуждающейся природе, и Стикс ни разу не позволил себе сорвать ни одной травинки, только гладил ее, испытывая при этом непередаваемое чувство восторга от соприкосновения с жизнью. В окружении черных осклизлых стволов мертвых деревьев этот зеленеющий склон казался чудом, знамением необратимых перемен к лучшему…

Ладно… — Он перезарядил автомат, чтобы иметь в своем распоряжении полный магазин, и побежал вдоль ручья, стремясь опередить группу человекоподобных механизмов.

Он знал, что перебьет их всех до одного, чего бы это ему ни стоило.

* * *

Стикс не ошибся. Андроиды потеряли его из виду и невольно задержались на месте первой, неожиданной схватки. Невосполнимая утрата трех членов группы не пресекла решимости дронгов двигаться дальше, но теперь они выстроились иначе — три механизма шли впереди, за ними двигалась машина, и еще два сервоприводных создания замыкали процессию, постоянно осматривая обрывистые склоны.

Лайбен опередил их и занял позицию у поворота оврага, где дорогу преграждала внушительная каменная осыпь, через которую могли

перебраться андроиды, но не сопровождаемая ими машина.

Ждать пришлось недолго. Стикс едва успел успокоить дыхание после быстрого бега, как в глубине сумеречного пространства уже показались похожие на людей фигуры.

Опять идут в полный рост… — машинально отметил он, подумав, что сегодняшние события совсем непохожи на смертельные схватки, происходившие тут прошлым летом. Андроиды вели себя слишком прямолинейно, и это казалось странным. Стикс хорошо усвоил, что все механизмы, которые сумели пережить столетнюю зиму, являлись опасными, изворотливыми противниками — они не только стремились истребить остатки жизни, но и открыто враждовали между собой, вступая в ожесточенные схватки, причина которых поначалу являлась для юноши полной загадкой.

Вообще, до определенного момента своей жизни Стикс многого не понимал в окружающем мире, чаще принимая его таким, каков он есть, пока старик Говард не растолковал ему однажды изначальную суть некоторых исторических событий и вытекающих из них последствий.

…Лайбен прицелился, уже не испытывая той остроты чувств, с которой вступал в бой. Как эти недоделанные роботы сумели продержаться целое столетие, если в их позитронные мозги не заложены элементарные способы борьбы за выживание? Разве можно так спокойно и тупо вышагивать, когда тебя только что дважды обстрелял неведомый противник?

И тем не менее андроиды вели себя именно так.

Стикс подождал, пока три передовых механизма поднимутся на гребень осыпи, и только тогда плавно потянул упругий курок, посылая короткие, разящие наповал безжалостные очереди.

Три металлических истукана (другого определения у Лайбена просто не нашлось) с грохотом повалились назад, машина, затормозившая у неодолимой преграды, начала разворачиваться, но Стикс не дал ей завершить маневр, выпустив остаток патронов по двигательному отсеку древнего автомобиля.

Машина дернулась, остановившись, но изнутри никто не вылез, и Лайбен решил, что движением транспортного средства управлял бортовой компьютер.

Два андроида, замыкавшие колонну, попытались обстрелять его из встроенных импульсных автоматов, но их огонь лишь наделал шума. Стикс не сидел на одном месте, он постоянно перемещался, и пока эти бесхитростные болваны осыпали градом титановых шариков

преградившую путь каменную осыпь, Лайбен зашел им в тыл и уже без всяких чувств равнодушно расстрелял обоих со спины.

* * *

Стикс кое-что понимал в дронгах, поэтому его спуск по крутой каменистой осыпи на дно оврага преследовал двоякую цель: во-первых, он собирался забрать оружие человекоподобных машин, а вернее, их конечности, куда оно было встроено, а во-вторых, его раздирало любопытство. Хотелось узнать, на основе каких микрочипов сконфигурировано ядро их позитронного мозга?..

Недоумение Лайбена было вполне объяснимо — прошло три года с тех пор, как он впервые столкнулся в бою с механическими обитателями Земли, и за это время ему еще ни разу не попадался столь неумелый, безыскусный противник.

Странно все это… — размышлял Стикс, осторожно ступая по ненадежному, застывшему в шатком равновесии оползню. Скрепляющая камни глинистая почва давно высохла, растрескалась и крошилась под ногами, скатываясь вниз бесформенными комьями. Конечно, он слышал о том, что до войны на Земле существовало множество самых разнообразных механических созданий, и многие из них не являлись боевыми формами, а служили для иных целей, которые обозначались смутным, малопонятным термином «бытовые», но даже если ему повстречались реликты, принадлежащие к исчезнувшей породе дронгов, Стикс все равно не мог понять — как им удалось пережить энергетический кризис?

Говард рассказывал ему, что все дронги в своей основе устроены одинаково и разнятся лишь по внешнему виду да по тем программам, что заложены в них конфигурацией микрочипов. Общими для всех механических обитателей послевоенной Земли являлись и элементы питания, позволяющие машинам «жить». Универсальные энергоносители были рассчитаны на тридцать лет бесперебойной работы, после чего запас активного вещества в них истощался, и элементы следовало заменить новыми.

Среди людей, живших в страшную эпоху великого оледенения, тридцатый год ядерной зимы получил название «энергетического кризиса», так как именно в эту пору у большинства машин начали иссякать элементы питания.

Среди вечных сумерек, под тяжким пологом клубящейся пепельной облачности разразился второй акт всемирного апокалипсиса. Машины, господствовавшие на омертвевшей земле, к тому времени уже изрядно

обветшали, а энергетический кризис заставил их вступить в жесточайшую борьбу друг с другом.

Начался новый виток истории, когда законы естественного отбора вновь вступили в силу, но теперь они касались не только живых существ, но и кибернетических созданий, среди которых начиная с тридцать первого года послевоенной эпохи выживали только сильнейшие.

Лайбен, конечно, не застал те ужасные годы, когда машины вдруг начали сходиться в яростных схватках, уничтожая друг друга, с единственной целью — выжить. Победители этих катастрофических единоборств могли совершенствовать сами себя за счет поверженных собратьев, благо все основные узлы машин были стандартизированы задолго до войны.

Естественно, что в охвативших землю сражениях победителями выходили механизмы, изначально сконструированные для ведения боевых действий. Они быстро уничтожили все неспособные к сопротивлению кибернетические системы и тем самым положили конец делению на классы и виды — на земле остался только один тип машин. Они конструировали сами себя, и люди прозвали их «дронгами», что в буквальном переводе означало «самовозрождающиеся».

Лайбен сталкивался с самыми причудливыми модификациями четвертого поколения «выживших» кибермеханизмов, которые в поисках источников энергии все более тяготели к подземным глубинам, где аккумулировалось внутреннее тепло планеты.

Среди дронгов, которых Лайбен уже записал на свой счет, были и андроиды, но, не в пример сегодняшней группе, те сражались яростно, расчетливо, не уступая Стиксу ни в скорости реакции, ни в изощренности тактических решений.

…Размышляя таким образом, он достиг дна оврага и посмотрел на пробитые пулями корпуса дронгов.

Чтобы не мучиться сомнениями, он подошел к одному из них и ловкими движениями вскрыл грудной кожух человекоподобной машины, под защитой которого скрывался главный узел сервомоторов, энергоблок и закрепленная в специальной гироскопической подвеске полупрозрачная сфера позитронного «мозга», включавшая в себя мощное вычислительное устройство и множество программных микрочипов.

Не церемонясь, он расколол ударом приклада оболочку из дымчатого полимерного материала и наугад извлек из крепежного гнезда несколько микроскопических схем.

Внимательно прочитав нанесенную на них маркировку, Лайбен

наконец уверился, что перед ним самые натуральные реликты. Ни одна из цифробуквенных комбинаций даже отдаленно не напоминала маркировку тех чипов, которые ему доводилось извлекать из *настоящих* боевых машин.

На всякий случай он не стал выбрасывать извлеченные микромодули, а сунул их в карман, решив, что такую необычную находку стоит показать старику Говарду… может быть, тот сумеет растолковать, с кем именно свела сегодня Стикса капризная судьба?

Он еще не знал, какие потрясения ждут его впереди…

* * *

Прежде чем приступить к сбору трофейного оружия, Лайбен решил осмотреть застывшую у осыпи камней машину.

Пули пробили ее капот, повредив силовую установку, но Стикса интересовал не двигатель, а содержимое салона, поэтому он, не обращая внимания на ядовито-зеленый пар, сочащийся из пробоин, отодвинул в сторону заднюю дверь древнего транспортного средства и заглянул внутрь.

Он не исключал, что в салоне машины могли затаиться один или два андроида, поэтому держал оружие наготове, но картина, представшая его глазам, оказалась столь ошеломляющей, что он напрочь позабыл обо всем: внутри, скорчившись в неудобной позе на заднем сиденье, полулежал *человек!..*

Его одежда была порвана, руки и ноги скованы силовыми наручниками, несчастный лежал лицом вниз, не подавая никаких признаков жизни, — он либо умер, либо потерял сознание, измученный долгой дорогой.

Лайбен несколько секунд в оцепенении разглядывал серый, изорванный комбинезон, длинные спутанные волосы, бледную, обескровленную кисть руки, напряженно потрескивающие статикой синие полоски на запястьях и лодыжках пленника, потом, очнувшись от внезапного шока, осторожно прислонил автомат к помятому борту машины и полез внутрь.

Заднее сиденье оказалось мягким, пружинистым, от него пахло чем-то тревожащим и незнакомым. Раньше Лайбен не сталкивался с подобными транспортными средствами, ему попадались лишь военные образчики техники, а это, судя по всему, был настоящий гражданский автомобиль, сохранившийся с той далекой и нереальной поры, когда люди безгранично владели своей планетой.

Дезактивировать силовые захваты, сковывающие человека по рукам и ногам, не составило для Стикса особого труда. Он знал принципиальную

схему аналогичных устройств, применяющихся в конструкции многих механизмов для крепления особо хрупких и важных деталей.

Быстро справившись с маленькими энергоблоками, он бережно взял человека за плечи и осторожно перевернул бессознательное тело.

Второе потрясение оказалось еще более сильным, чем первое.

Перед ним лежал не просто человек — то была *женщина!..*

Можно понять охватившие Лайбена чувства, ведь до сегодняшнего дня он знал лишь двух людей — Урома Бледного и Говарда Мудрого, да еще его память хранила смутные образы отца и матери…

В первый миг он совершенно растерялся, не зная, что ему делать. Безвольное тело, облаченное в выцветший комбинезон, моментально приобрело необъяснимую мистическую хрупкость, — Стикс вдруг осознал, что его руки дрожат, отказываясь повиноваться, но это продолжалось недолго. Мысленно прикрикнув на себя, Лайбен сумел преодолеть внезапную робость и, обхватив мягкое, податливое, *теплое* тело, стал вытаскивать пленницу из машины.

Снаружи царил мягкий сумрак — солнце еще не успело подняться достаточно высоко, чтобы осветить дно оврага, но даже при таком освещении Лайбен смог понять, что спасенная едва ли отличается от него по возрасту. Кожа ее лица была гладкой, без единой старческой морщины, вот только руки хранили рубцы от ран и ожогов.

Стикс бережно опустил ее на землю и застыл, напряженно всматриваясь в бледное лицо, остро переживая собственную беспомощность. Весь его жизненный опыт был бесполезен в данном конкретном случае. Лайбен знал, как убить, разрушить, но совершенно не представлял, каким образом можно привести в чувство потерявшего сознание человека.

Собственные царапины его не тревожили, Стикс привык относиться к ним со стоическим терпением, зная, что легкие ранения неопасны и причиняют лишь временный дискомфорт, а от тяжелых увечий его пока что берегла милостивая судьба…

Все эти мысли и чувства выразились одним движением. Он в смятении опустился на колени и, протянув руку, коснулся дрожащими пальцами ее щеки.

В следующий миг произошло нечто невероятное: Лайбен вдруг ощутил на своем запястье железную хватку ее сжавшихся пальцев, и одновременно с этим стремительным движением девушка открыла глаза.

Несколько секунд они смотрели друг на друга в полном оцепенении, затем ее потрескавшиеся губы слабо шевельнулись.

— Зачем ты это сделал? — едва слышно спросила она.

— Что? — не понял ее вопроса Стикс. Он совершенно перестал владеть собой, его мысли смешались, чувства стали иными, неподдающимися описанию. Он по-прежнему ощущал ее цепкие сильные пальцы на своем запястье, но даже не пытался высвободиться. Это было так странно и необычно, что все прожитое ранее казалось сейчас мелким, незначительным по сравнению с теплом ее руки и взглядом внимательных серых глаз, который вдруг указал ему на валяющиеся поодаль фигуры андроидов.

— Ты спрашиваешь, почему я убил их? — справившись со смятением, произнес Стикс.

— Да, — подтвердила она. Он на секунду задумался.

— Тебе было хорошо и удобно? — К Лайбену постепенно возвращалось утраченное самообладание. Одного упоминания о дронгах оказалось достаточно, чтобы его чувства пришли в норму.

Она промолчала, а потом спросила, медленно разжав свои пальцы:

— Кто ты?

Он продолжал смотреть ей в глаза.

— Лайбен. Лайбен Стикс. Человек, к твоему сведению, а не металлический истукан.

— *Человек?..* — с непонятными нотками в голосе переспросила она.

— Да. Такой же, как ты.

Девушка опять промолчала, а потом вдруг слабо улыбнулась:

— Выходит, ты меня спас?

— Ну… да.

Она кивнула, вздохнув. Ни благодарности, ничего, кроме этого равнодушного жеста, констатирующего факт. Подумаешь, ее спасли. Лайбен до этого еще ни разу не испытывал подкатившего к горлу острого чувства несправедливости. Он просто не знал, что такое «обида», ведь по большому счету обижаться в этом мире ему было попросту не на кого.

— Ладно, малыш… Что сделано, то сделано. — Она села, обхватив руками колени.

— Меня зовут Лайбен, — повторил он. — И я не собирался тебя спасать, — добавил Стикс, до конца впитав неведомое ранее чувство обиды. — Откуда мне было знать, что везут дронги в машине? — резонно заключил он.

— Да, я уже поняла это. — Девушка подняла взгляд. — Можешь называть меня Катрин.

— Это твое имя?

— Да… — секунду промедлив, кивнула она.

* * *

Странная, неожиданная, шокирующая встреча.

Лайбен даже позабыл о том, что собирался отчленить манипуляторы дронгов с закрепленным на них оружием.

Катрин. Необычное имя резало слух. Впрочем, что он мог знать об именах? Жизнь до сих пор не баловала Лайбена разнообразием встреч с живыми людьми, а представительницу иного пола он вообще видел впервые.

Стикс помог ей встать, и девушка, оглядевшись по сторонам, опять вздохнула.

— Тебя не нужно было спасать? — напрямую спросил Стикс, проследив за ее взглядом.

Она повернулась. Глаза Катрин казались на удивление выразительными, словно она могла разговаривать, не прибегая к словам. Сейчас, например, в них читалась невысказанная досада, но уже не обидная для Лайбена, а наоборот, вызывающая чувство непроизвольной симпатии и сочувствия.

— Это был хороший план… — загадочно произнесла она, закончив осмотр. — Жаль… — Она сказала это так, словно отсекла уже свершившийся факт, восприняв его как данность.

Лайбен ничего не понял в ее кратком монологе. Единственный вывод, который напрашивался сам собой, показался ему оскорбительным, кощунственным, и Стикс решил промолчать, лишь прищурился, презрительно глядя на изрешеченные пулями корпуса андроидов.

— Ты хотел спросить, что у меня может быть общего с дронгами?

Стикс вздрогнул.

Да, именно такой мысленный вопрос промелькнул в его голове.

— Это были безобидные механизмы, — пояснила девушка, но такое утверждение лишь усилило недоумение Стикса.

— Как же ты тогда попала к ним в плен? — спросил он.

— Сдалась, — уклончиво ответила Катрин.

— Зачем?

Она повернула голову, и Лайбен увидел усмешку, тронувшую ее губы.

— Хотела узнать, что творится под землей, — немного поколебавшись, все же призналась Катрин.

— Ты что? — Стикс не смог скрыть изумленного недоверия. — Это же верная смерть. Под землей не бывает *безобидных механизмов*, —

добавил он, передразнив ее интонации.

Она пристально посмотрела на Стикса и вдруг произнесла, без вызова в голосе, со спокойными, утверждающими интонациями:

— Если твою шкуру не содрала столетняя зима, то это не значит, что ты радикально отличаешься от дронгов, малыш.

Лайбен остолбенел, но теперь не от удивления, а от злости.

— Ты…

— Не горячись. — Она совсем не испугалась того выражения, что застыло на лице Стикса. — Я совершенно не хотела тебя обидеть. Давай просто уйдем отсюда… Куда-нибудь… — уже без прежней уверенности в голосе добавила она.

Лайбен и не подозревал, что есть на свете наука еще более трудная, чем борьба с боевыми дронгами. Оказывается, общаться с *человеком* едва ли проще, чем одержать верх над самой смертоносной из известных ему машин.

Новые чувства так озадачили Лайбена, что он машинально кивнул, позабыв, что секунду назад едва не задохнулся от внезапного приступа гнева.

— Хорошо. Давай уйдем отсюда. Только не называй меня больше дронгом, договорились?

Она кивнула, протягивая руку, и они вместе стали подниматься по крутой осыпи, выбираясь из оврага.

* * *

— Может, расскажешь что-нибудь о себе? — спросила Катрин, когда они выбрались из сумеречного пространства на залитую солнечным светом лужайку.

Стикс неопределенно пожал плечами. Ему казалось, что не он должен рассказывать о себе, — юноша подсознательно ждал более пространных объяснений от Катрин, однако она первой задала тревожащий Лайбена вопрос.

Он молча пересек пространство лужайки и уселся на нагретый солнцем валун, с которого час назад рассматривал свое отражение в зеркальных водах ручья.

— Почему я должен рассказывать первым? — спросил он, зачерпывая ладонью пригоршню воды. Ополоснув лицо, он обернулся к Катрин: — Ты ведешь себя странно, говоришь загадками, явилась сюда в компании дронгов…

— И что из этого? — прищурилась она.

— Вот и объясни, откуда ты взялась…

— Нет, — покачала головой девушка. — Сначала ты.

Ее упрямство показалось Лайбену необоснованным и подозрительным, все этим днем шло не так, вразрез с устоявшимися понятиями, но грубить тоже не хотелось…

Катрин присела на край валуна и осторожно коснулась напряженной руки Стикса.

— Ты вряд ли поймешь меня, Лайбен, если я стану излагать непонятную тебе правду, — произнесла она. — Мы появились на свет в разных местах и при разных обстоятельствах. Не хочу тебя обидеть, но мне кажется, что ты знаешь о мире намного меньше моего.

— И тебе хочется выяснить глубину моих познаний? — нахмурился Стикс, которого на самом деле в данный момент больше занимало тепло, исходящее от руки девушки, нежели ее слова.

— Да. Ты правильно меня понял. Так мне будет легче ответить на твои вопросы.

— Хорошо… — неожиданно сдался Лайбен, подумав, что в принципе нет разницы, кто начнет первым. Да, она казалась странной, но, в конце концов, Катрин человек, и это, в понимании Стикса, извиняло многие аспекты ее поведения.

Он посмотрел, как неторопливое течение ручья уносит упавший в воду обломок почерневшей ветви, и произнес:

— Я родился тут неподалеку… За этим мертвым лесом начинаются скальные отроги, там множество пещер. В одной из них жили мои родители, но они погибли от рук дронгов, когда я был еще совсем маленьким. — Лайбен говорил спокойно, без лишних эмоций. — Рядом с нашей пещерой есть другие, где живут еще двое людей, оба очень старые. Одного зовут Уром Бледный, а второго Говард Мудрый. Они заменили мне родителей, помогли выжить, рассказывали о столетней зиме, наступившей после войны людей и машин…

— Ты хорошо помнишь своих родителей? — внезапно перебила его Катрин.

— Нет, — признался Лайбен. — Очень смутно. Иногда мне кажется, что я не в состоянии представить их лица, только неясные образы…

— А почему ты стал убивать дронгов?

Стикс искоса посмотрел на девушку. Странный вопрос…

— А как же иначе? — спросил он. — Если не защититься от них заранее, то рано или поздно они бы явились в мою пещеру и убили бы меня, как это произошло с моими родителями в последние годы столетней

зимы. Уром часто говорил мне, что люди и машины не могут сосуществовать вместе. Раньше, до войны, могли, а теперь — нет. Ты ведь должна знать, как изменялись дронги на протяжении столетней зимы, особенно после первого энергетического кризиса?

На этот раз она кивнула, соглашаясь с мнением Стикса.

— Да, кибернетические механизмы сильно изменились… — тихо произнесла Катрин и тут же спросила: — Стикс, а ты помнишь себя ребенком?

— Ребенком? — Лайбен опять нахмурился, не совсем понимая смысл ее вопроса.

— Ну, маленьким мальчиком, — подтолкнула его мысль Катрин. — Ты был ниже ростом, не такой сильный, тебя занимали совсем иные мысли, ведь так?

Лайбен надолго задумался, а затем отрицательно покачал головой:

— Нет. Я не помню ничего подобного. Мои мысли менялись, но тело нет. А что, это имеет какое-то значение?

— Да, — вздохнула она. — Неприятное значение.

— Какое?

Она не ответила. Лайбен лишь почувствовал, как напряглась ее рука.

— Пообещай мне не хвататься за автомат, и тогда я открою тебе правду.

Стикс непроизвольно вздрогнул, услышав столь настораживающую просьбу, но в конечном итоге, после недолгой внутренней борьбы, в нем опять возобладало любопытство.

— Хорошо… Я не буду браться за оружие. — Он привстал и демонстративно положил автомат на траву в нескольких метрах от валуна.

Вернувшись, он сел рядом с Катрин.

— Ну?

Она глубоко вдохнула, будто собиралась нырнуть под воду, а затем начала говорить сначала медленно, неуверенно, а потом все более спокойно:

— Я появилась на свет далеко отсюда, среди руин одного из огромных городов… Сначала мир казался мне таким же простым и понятным, как обрисовал его ты. — Она нашла руку Лайбена и непроизвольно сжала ее. — Вокруг высились мрачные руины, среди которых частенько бродили дронги, было холодно, а в моей памяти роились смутные, непонятные образы. Я точно знала, как меня зовут, помнила нескольких людей, к которым, наверное, была сильно привязана в прошлом, но эти воспоминания никак не согласовывались с реальностью. Я помнила один

мир, а вокруг простиралась совсем иная Земля, будто я очень долго спала и внезапно очнулась…

Лайбен непроизвольно кивнул. Он тоже ощущал нечто схожее.

— Сначала я не придавала значения этим мыслям, — продолжила Катрин. — Мне приходилось как-то существовать, спасаясь от холода и добывая себе еду среди руин огромного города, но потом, когда над Землей вновь стало появляться солнце, жизнь чуть полегчала… — Она искоса посмотрела на Лайбена, который напряженно слушал ее скупой рассказ. — В городе намного больше дронгов, чем ты повидал за всю свою жизнь. С ними действительно приходилось бороться, иначе погибнешь сам, здесь я полностью согласна с тобой. — Катрин невесело усмехнулась. — Я быстро научилась защищаться и мыслила примерно как ты, пока однажды на моем пути не повстречалась большая группа боевых кибермеханизмов.

— Ты не смогла справиться с ними? — спросил Лайбен, чувствуя, что его недоумение постепенно трансформируется в чувство симпатии к сидящей рядом девушке.

— Да, — скупо ответила она. — Меня сильно покалечили… Я истекала кровью и едва могла двигаться, но все же умудрилась укрыться в узкой щели под рухнувшим перекрытием одного из домов. Дронги не смогли забраться в тот лаз, чтобы добить меня… Они ушли, а я долго лежала в полной темноте, думая, что умираю.

— Но ты ведь выжила, верно?

Катрин кивнула:

— Я не могу сказать, сколько прошло времени, но мои раны затянулись, и я вновь с трудом смогла двигаться. Голод заставил меня очнуться, он же руководил мной, когда я выползла из своего укрытия на свет. Знаешь, мне иногда кажется, что лучше было бы умереть…

— Почему? — Лайбен резко повернул голову. В его понимании, говорить такие слова было… кощунственно. Жизнь, во всех ее формах, надо беречь во что бы то ни стало — данный постулат скрывался в глубинах его собственного сознания, прочно прижившись рядом с необъяснимой ненавистью к механическим исчадиям, превратившим Землю в ледяную пустыню…

Пока Стикс раздумывал над собственными этическими ценностями, Катрин, воспользовавшись паузой, собралась с духом и продолжила свой рассказ:

— Сейчас ты поймешь… — Она поймала настороженный взгляд Стикса и пояснила: — Моя одежда превратилась в лохмотья, пули дронгов искалечили мне руку и правый бок, а когда я взглянула на уродливые

шрамы, оставшиеся на теле, то сделала ужасное открытие, которое едва не лишило меня рассудка… — Катрин внезапно встала и одним зябким движением скинула с плеч ткань комбинезона, который послушно скользнул к ее ногам, собираясь мешковатыми складками.

У Стикса вдруг перехватило дыхание.

Перед ним стояла обнаженная девушка, ее грудь волнующе вздымалась от участившегося дыхания, каждый изгиб пропорционально сложенного тела вызывал в нем волну инстинктивной дрожи, и за этими оглушающими своей новизной чувствами Лайбен не сразу разглядел шрамы, ради которых она сбросила одежду…

— Посмотри сюда… — Катрин медленно повернулась, и Стикс увидел глубокие уродливые борозды искалеченной, а затем сросшейся плоти, которые рассекали ее кожу на правом боку, захватывая предплечье и руку выше локтя.

Секунду спустя Лайбен понял, что она хотела показать ему.

В глубине рубцов, там, где зажившая плоть извивалась бледными, бескровными линиями, виднелись обнажившиеся осколки микрочипов, между которыми угадывались разорванные серебристые проволочки, не толще волоса!..

У Стикса вдруг перехватило дыхание. Поврежденные пулями программные модули составляли единое целое с живой тканью, они вросли в нее, и внезапно открывшийся синтез двух противоположностей выглядел столь ошеломляюще, что в первый момент Лайбен не испытал ни отвращения, ни сострадания — в его голове внезапно воцарился вакуум, настолько сильным оказалось потрясение от увиденного…

— Ты дронг?! — наконец выдавил он.

Катрин кивнула, наклонилась, поднимая одежду, и спустя мгновенье перед ним вновь стояла бледная девушка, облаченная в потертый, местами порванный комбинезон.

Множество самых противоречивых мыслей и чувств обрушилось на Лайбена. Ему казалось, что кто-то залез в его голову и безжалостно разрушает устоявшееся мировоззрение, причудливо перемешивая между собой ставшие вдруг бессмысленными обрывки прошлого, из которых уже не сложить новую мозаику понимания.

Он нашел в себе силы поднять взгляд и посмотреть на Катрин.

Она стояла, окаменев, отвернувшись от него, будто ждала решения своей участи, но ни один из инстинктивных порывов, частенько руководивших действиями Стикса, не толкнул его к брошенному автомату…

Перед ним стоял человек… Или дронг, искусно замаскированный под человека?

В таком случае, кто он сам?..

В голове среди хаоса обрывочных мыслей вдруг начало проступать запоздалое понимание ее предыдущих вопросов, и он впервые в жизни ощутил страх.

Страх перед правдой…

Он не рванулся к автомату, наоборот, Стикс тоже будто окаменел, глядя на Катрин, пока с его губ не сорвался едва слышный вопрос:

— Я тоже дронг?..

Она кивнула, а затем тихо произнесла:

— Ты не помнишь своего прошлого, твое тело всегда было таким как сейчас, а смутные образы, которые хранит твоя память, не более чем фантомы, заключенные в микромодулях памяти…

— Я не верю… — хрипло выдавил Лайбен. — Я не верю тебе!

Катрин обернулась.

— Это твое право, Стикс. Тебе придется искать ответы на собственные вопросы, как искала их я… Можешь не сомневаться, они где-то рядом.

От зловещей уверенности, прозвучавшей в ее голосе, у Лайбена неприятно защемило в груди.

Если он дронг, то откуда в нем столько человеческого?

Безответный вопрос. Теперь, когда она показала ему скрытые под изуродованной плотью программные модули, он не мог поручиться, что все присущие ему чувства — порождение человеческого самосознания. Лайбен не мог понять, откуда в его голове рождаются столь четкие безжалостные формулировки?

Это было невыносимо, но как вновь расставить все на свои места? Кто может дать однозначный ответ на множество новых, острых как нож вопросов?

Подумав об этом, он покосился на свой пояс.

Нож…

Рука едва не рванулась к нему, чтобы выхватить холодную сталь, полоснуть ею по собственной плоти и посмотреть, что откроется в глубине кровоточащей раны.

Его остановила Катрин.

— Ни к чему калечить себя, Стикс, — произнесла она, четко угадав его мысли.

— А как… иначе? — задохнувшись, спросил он.

Она села рядом и вновь взяла его за руку, уже не страшась, с таким чувством, будто они знают друг друга очень давно…

— Когда я поняла, что мой организм в какой-то мере сродни конструкции дронгов, я задалась тем же самым вопросом, который сейчас мучает тебя. Мне важно было понять, кем я являюсь на самом деле — человеком или машиной.

— Это невозможно.

— Возможно, Стикс… Боль, шок — все проходит со временем, острота событий притупляется, и ты начинаешь мыслить здраво. — Катрин крепко сжала его руку. — Есть неоспоримый критерий, по которому можно определить, кто ты.

— Какой?

— Человек рождается естественным путем, из чрева матери, — ответила она. — А машину собирают на конвейерах, в производственных цехах.

— Но я помню своих родителей!

— Это может оказаться псевдопамятью… — вздохнула Катрин. — Лично я предположила наихудшее и стала искать производство, где могли собрать дронга по имени Катрин…

У Лайбена мороз продрал по коже от ее последних слов.

— Нашла? — скупо осведомился он.

— Нет, — покачала головой девушка. — Мне удалось отыскать лишь заброшенные подземные цеха, где собирали бытовых роботов андроидов. Но там я увидела вот это… — Она достала из кармана своей одежды несколько аккуратно свернутых листов глянцевитой пластбумаги и, развернув, протянула их Стиксу.

Он взял нетленные листы и посмотрел на изображения различных моделей андроидов. Рядом с красочными картинками были приведены технические характеристики машин. Лайбен впервые видел подобные иллюстрации, сохранившиеся с далеких довоенных времен. Естественно, он не мог знать, что держит в руках обыкновенные рекламные проспекты фирмы, производящей бытовые машины, поэтому, просмотрев изображения, он лишь пожал плечами.

— Что из того? — спросил он у Катрин.

— Взгляни на оборот последнего листа. Лайбен перевернул тонкую брошюру.

На последней странице располагалось несколько абзацев мелкого убористого текста и схема каких-то существовавших в древности дорог.

«В ближайшем будущем наши покупатели смогут приобретать принципиально новые модели бытовых машин. Их коренное отличие от всех предыдущих серий состоит в том, что это поколение бытовой техники является не кибернетическими механизмами, покрытыми пеноплотью, а киборгами.

Кибернетический организм ничем не отличается от человека, машины этой серии будут снабжены модулями псевдопамяти и функцией саморазвития, что сделает их верными телохранителями, любящими подругами, заботливыми слугами, — вашему выбору будет предоставлен широчайший набор встроенных функций. Киборги помогут вам осуществить мечту своей жизни. Не отличаясь от человека, они тем не менее будут программируемы и управляемы…»

Стикс с трудом оторвал взгляд от мелкого шрифта.

Кибернетический организм?..

Он посмотрел на Катрин, потом на схему, где был указан путь, ведущий к демонстрационным цехам, в которых потенциальные клиенты фирмы могли ознакомиться с производством и заказать себе конечный продукт.

— Это расположено где-то тут? — интуитивно предположил он, логически связав появление Катрин с текстом рекламного проспекта.

— Да, — ответила она. — Вот эта дорога ранее вела в предгорья. — Она указала на одну из линий схемы.

Лайбен задумался.

— Интересно, где именно расположен вход…

— Думаю, теперь это нетрудно выяснить, — произнесла Катрин. — Ты ведь появился на свет где-то поблизости?

— Да… — Лайбен встал, подобрал оружие и, обернувшись к девушке, добавил: — Пойдем, я знаю, кому следует задавать вопросы по существу.

* * *

Вход в пещеру, в которой жил Говард Мудрый, перегораживала стена из почерневших бревен.

Лайбен отворил массивную дверь и жестом пригласил Катрин войти.

Внутри небольшой пещеры было тепло, в очаге, врезанном в одну из стен, ярко пылали дрова. Стикс накануне ходил в лес и принес Говарду два подсохших на солнце ствола погибших деревьев, которые старик понемногу пилил прямо в пещере, постоянно поддерживая огонь в грубом подобии камина.

Говард уже давно не выходил из своего убежища. Он был настолько стар, что годы скрючили его тело, покрыли лицо глубокими морщинами, превратив стройного некогда мужчину в сгорбленного, вечно мерзнущего карлика.

Закрыв за собой дверь, Лайбен по привычке прошел к столу, вырезанному, как и прочая «мебель», из выступов твердой каменной породы. Говард оборудовал свою пещеру сам, при помощи компактной лазерной установки. Сейчас ручной лазер пылился в углу вместе с другим бесполезным хламом — у него давно закончился заряд элемента питания.

Заслышав скрип двери и шаги, старик обернулся.

Подслеповато щурясь, он посмотрел на Лайбена, потом его водянистый взгляд остановился на Катрин.

— Кто это? — неприятным, каркающим голосом спросил он.

— Ее зовут Катрин, — скупо ответил Стикс, подходя к огню.

— Что случилось? — Говард обеспокоенно посмотрел на Лайбена. — Мне послышалась стрельба. Опять дронги?

— Да. Я убил их.

— А она откуда взялась? — Старик с подозрением покосился на девушку.

— Говард, сегодня у меня вопросы к тебе. — Лайбен мягким движением заставил старика сесть в глубокое самодельное кресло подле камина. — Посмотри вот на это, — он протянул ему рекламный проспект. — А потом ответь на один простой вопрос: были у меня родители или нет?

Последняя фраза Стикса заставила старика вздрогнуть, но он справился с собой и, повернувшись к огню, подслеповато уставился на цветные картинки, пытаясь в неверном, колеблющемся свете очага прочитать мелкий шрифт.

На некоторое время в сумеречной пещере наступила тишина, которую нарушало лишь потрескивание дров в камине да сиплое старческое дыхание Говарда. Он пролистал предложенные его вниманию страницы, но не спешил отвечать на заданный Лайбеном вопрос.

Мятущиеся отсветы пламени причудливо играли тенями, скрадывая выражение лица старого человека, он утонул в глубоком кресле, искоса поглядывая то на Лайбена, то на Катрин… Потом его взгляд вновь возвращался к страницам пластбумаги, и было совершенно непонятно, какие чувства испытывает в эти минуты Говард Мудрый.

Наконец он заговорил.

Голос старика звучал глухо, надтреснуто, он явно не готовился к

разговору на предложенную тему, и потому его речь поначалу показалась Стиксу сбивчивой, малопонятной…

— Ты не должен обвинять меня в несправедливости, сынок… — Говард говорил, глядя в огонь, не поворачивая головы. — Я действительно не рассказывал тебе о многом… Мы с Уромом нуждались в защите, и правда только навредила бы всем…

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — с досадой произнес Лайбен. — Я спросил тебя о моих родителях. При чем тут ты и Уром Бледный?

— У тебя никогда не было родителей, Лайбен, — сделав над собой усилие, признался Говард.

— В таком случае, кто я?!

— Ты кибернетический организм. — Старик повернул голову. — Если хочешь, могу уточнить: Лайбеном тебя назвал Бледный, а по правде, ты киборг модели «Стикс». Так же, как и она… — старик кивнул в сторону девушки, — модель «Катрин». Вы созданы в одних и тех же биокибернетических лабораториях, только с разными целями. Твоя основная функция — телохранитель, а «Катрин» создавалась как подруга, любовница, — выбирай, что звучит лучше…

Лайбену эти слова показались малопонятными и жестокими.

— Почему ты сразу не сказал мне об этом? — с обидой спросил он. — Зачем морочил голову ложью?!

— Прислушайся, как ты разговариваешь, Лайбен, — ответил ему старик. — Я человек, ты киборг, но мы мало отличаемся друг от друга в плане интеллектуального развития. Мы с Уромом были одиноки и беззащитны и, используя тебя по прямому предназначению, воспитывали как сына, ведь ты не станешь отрицать этого?

— Я потерял веру… — Стикс сел на широкую скамью, рядом с Катрин. — Трудно отличить правду от лжи, когда все прожитое рассыпается в прах.

— Это пройдет, — неожиданно усмехнувшись, успокоил его Говард. — Ты приходишь ко мне с этой молчаливой девушкой и задаешь дерзкие, неудобные вопросы, требуешь правды… значит, мы сумели воспитать тебя как *человека*, вне зависимости от того, что ты думаешь о двух стариках сию секунду…

Лайбену пришлось задуматься над прозвучавшими словами.

— Я не имею права на подобные действия? — интуитивно предположил он.

— Верно, — кивнул Говард. — Изначально ты не имел этого права. Ты был биологической машиной, по сути — чистым листом бумаги, на

котором можно написать все, что угодно. Я не настолько глубоко разбираюсь в технике, чтобы программировать, но ты обладаешь уникальной функцией саморазвития. Это дало возможность *воспитать* тебя, научить тебя чувствовать. Старик умолк, напряженно глядя на Лайбена.

— Ты можешь рассказать мне правду? — глухо спросил Стикс. — Всю от начала и до конца?..

— Зачем?

— Чтобы я понял, как жить дальше. Ты научил меня любить природу и ненавидеть машины. Ты рассказывал о погибшем человечестве. Это тоже ложь?

— Отчасти.

— Тогда прошу, скажи мне правду.

— Хорошо, Лайбен. Я расскажу тебе то, что знаю сам. Но мой рассказ будет кратким и неполным.

— Почему?

— Я родился, когда над землей свирепствовала столетняя зима, — начал Говард. — Вокруг царили машины, а людей можно было сосчитать по пальцам. Большинство знаний были утеряны, так что моя «мудрость» — это лишь обрывочные фрагменты тех сведений, которыми владело человечество. — Говард вновь уставился в огонь и некоторое время молчал, собираясь с мыслями. — Изначально не было никакой войны между людьми и машинами, — наконец продолжил он прерванную мысль. — Насколько я знаю, большинство людей просто покинули Землю. Они улетели к звездам в поисках лучшей доли, потому что наша планета умирала, не выдержав многовекового воздействия техногенной цивилизации. Причиной столетней зимы стала не война, а экологическая катастрофа. Атмосферу закрыло покрывало смога, и это вызвало сначала резкое потепление, а потом наступил долгий и мрачный период затянувшегося похолодания. Загрязненная атмосфера не пропускала солнечные лучи, отражая их назад в космос, и покинутые города постепенно стали покрываться панцирем снега и льда.

Старик тяжело вздохнул.

— Мои предки оказались в числе тех несчастных, кто не захотел загодя покинуть Землю. Мы с Уромом родились пятьдесят лет назад, уже после энергетического кризиса машин. Людей к тому времени осталось совсем мало, и они влачили жалкое существование. Знания были утеряны, машины вышли из-под контроля, стояли лютые холода… Тридцать лет я прожил в нечеловеческих условиях, мысленно проклиная своих

недальновидных предков, которые не смогли или не пожелали улететь к иным мирам.

— А как ты нашел меня? — спросил Лайбен.

— Нам с Уромом просто повезло, — откровенно ответил ему старик. — Мы к тому времени остались вдвоем, и я до сих пор не знаю, есть ли еще люди, пережившие столетие зимы. Мы год за годом скитались по заснеженным пространствам, меж мертвых городов, пока не пришли сюда, в район предгорий. Исследуя старые тоннели, мы случайно наткнулись на заброшенные биокибернетические производства, до которых по каким-то причинам еще не добрались эволюционировавшие машины. Там мы нашли множество камер биологической реконструкции. Некоторые из них еще работали, поддерживая режим крионического сна для выращенных образцов. Нам недоставало технических знаний, чтобы правильно воспользоваться случайной находкой, но хватило сообразительности понять, что здесь производили киборгов. Прочитав старые документы, я начал экспериментировать с камерами, и в конце концов после нескольких провальных попыток мне удалось разморозить тебя, Лайбен.

Старик подкинул в огонь несколько черных сучьев и протянул озябшие руки к загудевшему пламени.

— Мы решили воспитать тебя, чтобы обеспечить собственную старость, и не обманулись в своих надеждах. Пришлось многое недоговаривать, чтобы твое саморазвитие не пошло по неправильному пути. Нам хотелось, чтобы ты не только защищал нас от дронгов и добывал еду, но и любил двух состарившихся бродяг. Наверное, тебе сложно понять, как глубоко в груди сидит этот холод столетней зимы, вечные скитания, постоянное чувство голода и опасности… — Говард тяжело вздохнул. — Мы понимали, что рано или поздно ты узнаешь правду, но я не сетую — последние годы мы прожили в тепле и безопасности, наблюдая, как ты развиваешься… Это все, о чем я мечтал, скитаясь по ледяным равнинам. Признаться честно — ни я, ни Уром никогда не воспринимали тебя как киборга или дронга. Ты другой. Я не решусь назвать тебя машиной. И ее тоже… — Говард покосился на молчаливо слушавшую их диалог Катрин. — Вы нечто среднее между кибернетической системой и человеком… — Говард внезапно закашлялся, оборвав начатую фразу.

Лайбен молчал, потрясенный услышанным. Он не ощущал того, что непроизвольно сжимает ладонь Катрин.

Старик долго не мог унять приступ кашля, а когда его дыхание выровнялось, он посмотрел на Лайбена мутноватым взглядом и произнес,

подводя жирную черту под всем сказанным ранее:

— Я не так мудр, как казалось тебе, сынок. Стикс поднял голову.

— Зима закончилась. На Земле появляется жизнь. Это значит, сюда скоро вернутся люди?

Говард покачал головой.

— Вряд ли… Они улетели навсегда. От добра добра не ищут… — загадочно добавил он. — Ты волен поступать, как сочтешь нужным, Лайбен. Мы не станем удерживать тебя, да, признаться честно, я и не знаю, как командовать тобой. Наше время ушло…

— Но… — Лайбен запнулся, не зная, как передать старику свои чувства, — мною не нужно командовать. Я не брошу вас. — Он повернулся к Катрин, встретился с ней взглядом и вдруг поправился: — Мы не бросим вас, верно?

Она кивнула.

Говард долго смотрел на подернувшиеся золой уголья.

— Что ж… Это хорошая новость. — Он внезапно усмехнулся в ответ своим мыслям и добавил: — Думаю, что те биокибернетические лаборатории до сих пор недоступны для дронгов. Завтра, Лайбен, мы пойдем туда. Возможно, вы с Катрин сможете разобраться в сохранившейся аппаратуре и привести ее в действие.

— Зачем?

— Ты сам сказал мне, что Земля пробуждается после столетней зимы. Люди покинули свою планету и не вернутся сюда, мы с Уромом слишком стары и скоро умрем.

Говард внезапно замолчал, а потом добавил:

— Природа не терпит пустоты, Лайбен, а воинствующие дронги скверная замена людям. — Он вдруг хитро прищурился. — Возможно, ты и Катрин сможете начать все с начала, и я еще увижу внука или внучку… — Он вскинул голову, поймал взгляд Лайбена и тихо спросил: — Как ты думаешь, сынок?